

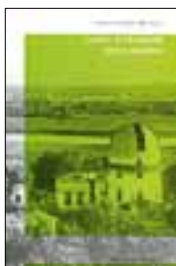
Юревич А. В., Цапенко И. П. *Наука в современном российском обществе*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 335 с.

Графики и статистика часто приводят в уныние неспособностью оперирующего ими к аналитической обработке материала. Перед нами обратный случай. Давно нам не попадалось столь увлекательное чтение, пересыпанное душистым перцем цифр и заправленное ароматной подливкой таблиц. Остроумие, эрудиция и очевидная квалификация авторов выгодно отличают их книгу от множества прочих скорбных попыток российских «наукоедов» социологически и эконометрически рассуждать о науке.

Фактически получилась книга, почти исчерпывающая тему. Подкрепляя свои соображения эмпирическими данными из множества источников, подробнейшим образом говорится о шестнадцати симптомах кризиса российской науки — низкий уровень финансирования науки; неудовлетворительное состояние материально-технической базы; плохая обеспеченность информацией; разрыв науки и производства; утечка идей и технологий; двойная занятость; старение научных кадров; падение престижа научного труда; расцвет паранауки; деградация профессиональной морали; институциональные конфликты в научной среде и т. д.

Помимо этой диагностики, авторы нелицеприятно и не скрывая своего мировоззренческого консерватизма описывают способы взаимодействия науки и прочих сред — власти, СМИ, общества. Обнаруживается кое-что любопытное. Например: «...Ни одна

из многочисленных работ о мотивации ученых не выдвигает деньги на одно их первых мест, что вполне понятно, поскольку люди, для которых главное в жизни — деньги, занимаются не наукой, а деятельностью, специально направленной на их зарабатывание, — бизнесом... Словом, люди, для которых главное деньги, наукой не занимаются по определению, в то время как программы рыночного преобразования отечественной науки рассчитаны именно на таких людей, в чем заключена очередная российская нелепость» (с. 307). ■ В. А.

Иванов К. *Небо в земном отражении. История астрономии в России в XIX — начале XX века*. М.: Территория будущего, 2008. 479 с.

В фокусе монографии — относительно недавний и краткий исторический отрезок, когда астрономия окончательно переходит из рук индивидуальных наблюдателей в распоряжение институций. Строго говоря, астрономия как профессия с институций и начинается. Ее колыбелью становится, во-первых, академическая обсерватория XVIII в., объединяющая функции экспертного центра и спектакулярной (престижной) магической башни, во-вторых, военная картографическая служба, совмещающая задачи практической разметки территории при помощи звезд и политического представительства на той же территории. Непрерывная и ревнивая борьба между этими двумя типами институций окрашивает весь XIX век, выступая своеобразным мотором развития астрономического знания. Наряду с университетскими обсерваториями астро-

ном может получить профессиональное признание, участвуя в обществе любителей, куда нередко объединяются те, чья университетская карьера находится под вопросом. В каждой из этих структур, разделенных по линии государственного/ассоциативного принципов организации, развиваются собственные техники работы и, соответственно, научные модели. В свою очередь, в мире обсерваторий конца XIX — начала XX вв. водораздел пролегает между институциями, расположенными в центре империи (Москва, Петербург), где астрономы плотнее включены в государственную администрацию и пользуются мощным оборудованием, и региональными институциями, которые следуют моделям либо московских, либо петербургских.

Нелегко сказать, что является наиболее интересным в этой интереснейшей книге. Возможно, это впечатляюще страстная история первых послереволюционных лет, когда астрономы меняют свое отношение к новой власти — от явного неприятия к тесному сотрудничеству, восстаивающему за дисциплиной имперский status quo. Или тонкий анализ специфики астрономического взгляда, заключенного в институциональные рамки при посредстве социализированного воображения ученого: его переход от недоверенного фигуративного контура, натурального рисунка, с характерным для того изобразительным и дискурсивным рядом, к визуально расплывчатым, но технически более строгим параметрам свечения. Переход от изометрии к фотометрии изменяет всю цепочку астрономического знания, открывающуюся регистрацией визуальных сигналов и завершающуюся построением математической модели.

Поэтика астрономии обнаруживается не только в ученых трудах, но и в доступно (для неспециалистов) описанных приемах научной изобретательности. Например, автор демонстрирует новую технику измерения плотности зодиакального света при

помощи матового стекла — рассеивателя, а не усилителя яркости. В конечном счете К. Иванов не случайно избирает цитату Башляра эпиграфом к книге: ему вполне удастся повернуть детерминизм вспять, с земли на небеса. ■ Александр Бикбов

Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: ИЛО, 2009. 778 с.

Кто и как управлял российским университетом в конце XIX — начале XX века? Было ли образование платным и сколько оно стоило? Как была устроена профессорская среда? Был ли у студентов свой банк? На эти и другие вопросы отвечает масштабное исследование университетов в российском имперском центре и регионах. Во многом оно развивает линию национальной истории университетского мира, заложенной исследованиями А. Е. Иванова¹. Читатель, знакомый с жанром международных публикаций «University and the City», может, однако, испытать некоторое удивление. Половина книги посвящена не привычным для этого жанра вопросам взаимодействия преподавателей и студентов с городскими сообществами, экономической и социальной динамике города и университета и т. д. Речь здесь идет об университете прежде всего как об институции *sui generis* и о ее положении в пространстве имперской политики. Надо заметить,

что и там, где город появляется, он нередко представлен в том же институциональном измерении, отчасти лишенном глубины и рельефа. Картина полноценного и взаимореактивного обмена наиболее полно явлена, скорее, во введении Труде Маурер и в статье Дмитрия Цыганкова о Московском университете. В иных случаях взгляд, сосредоточенный в стенах университета, приподнимает его над городской средой вместо того, чтобы в нее погружать. К примеру, можно ли назвать годовой доход лаборанта 1880–1900-х — 600–800 рублей — «скромным» (с. 224)? В сравнении с доходами отдельных преподавателей, имевших до 6000 рублей за семестр (там же) — несомненно. Однако при сравнении со средним по России подушевым доходом в 65–75 рублей или годовой зарплатой заводского рабочего, не превышавшей 200 рублей, картина меняется. Неудобство состоит в том, что неуниверситетские доходы приходится отыскивать по иным источникам.

Впрочем, если отбросить жанровые ожидания, масштабное исследование начинает играть множеством красок. Тот же разрыв доходов, отражающий иерархию между «младшими» и «старшими» преподавателями, прекрасно контекстуализирован автором в делящейся борьбе между университетскими фракциями, которая постепенно изменяет модель управления заведением. Столь же рельефно в статьях представлены иные ключевые коллизии и внутри корпорации, и с имперской бюрократией, которые различаются в зависимости от типа университетов: старых или новых, императорских или частных, этнически однородных или многонациональных. Типологическое разнообразие позволяет прояснить и спектр традиционно «периферийных» сюжетов — от национализма в среде студентов Московского и преподавателей Казанского университетов до логики столкновений между «революционными» русскими и «буржуазными» эстонскими студентами. Помимо прочего, исследование

прекрасно иллюстрирует специфику Тартуского, Юрьевского или Томского университетов, выявляя исторически ключевую роль снижения ценза для евреев, женщин, выходцев из социальных низов в формировании подвижного интеллектуального слоя.

Захватывая множество измерений, книга не имеет своей целью строгую модель той или иной стороны университетской жизни. Скорее, она обнажает основополагающие структуры этой жизни, полюса которых задействованы в перипетиях и драмах начала XX века. Политизация студенческой среды и вызванные ею волнения, события 1905 года в университетском мире и взаимодействие университета с полицией, смена руководства и преподавательского состава при оккупации, обстоятельства административных карьер преподавателей становятся такими же (если не более важными) моментами внутренней университетской истории, как создание факультетов, изменение программ или формирование новых идейных мод. Проследив реакцию на угрозы университетской автономии, книга вскрывает формы коллективной чувственности и солидарности, сошедшие на нет в 1930-е. Помимо прочего, российские университеты, в отличие от немецких, не производят на свет касты профессоров-«мандаринов». Правительство препятствует университетской экспансии, видя в ней источник угрозы порядку, и стремится регламентировать деятельность заведений. Вместе с тем, завоевав в начале XX века немалую автономию, университеты, по наблюдению Александра Дмитриева, успешно противостоят этатизации и охранительству, тесно вписанным в этот период российской истории. Интеллектуальные и социальные ресурсы, накопленные в эти бурные годы, позволяют университетам успешно преодолеть глубокий кризис Гражданской войны и закрепиться в роли культурных центров уже при новом политическом режиме. ■ Александр Бикбов

¹ См., в частности, его «Студенчество России», «Высшая школа России», охватывающие конец XIX — начало XX веков.